

Приемная студии «Парамаунт» была битком набита искателями кинославы.

— Будьте любезны, передайте мистеру Игли, что я пришел, — попросил я девицу, сидевшую за секретарским столиком.

— А кто вы?

— Скажите ему, что пришел Энтони Куинн, — пояснил я, передавая девице тощую стопочку газетных вырезок: рецензии на пьесы, где я играл. — Да, и скажите ему еще, что меня хотел видеть мистер Сесил Б. де Милль.

Девушка окинула меня недоверчивым взглядом, но встала и скрылась в кабинете шефа. Через минуту она вернулась и сообщила, что мистер Игли меня примет.

Джо Игли был высокий добродушный человек.

— Что это за сказочку вы там рассказывали моей секретарше? Вас де Милль видеть хочет и все такое, — с места в карьер начал он.

— Совсем не сказочку! Я слышал, что вам нужен молодой индеец, а я как раз индеец и ищу место.

— Это вы-то индеец? Каким образом?

— Таким, что я действительно индеец из племени шайенов.

— Сынок, я ведь тебя видел в театре, играл ты отлично, но индейцем-шайеном я бы тебя не назвал.

Но меня трудно было сбить с панталыку.

— Что вы, мистер Игли, я ведь отлично говорю по-шайенски, можете проверить.

— А ну-ка, скажи мне что-нибудь!

— Каси каским эледски чумболум!

— А ты уверен, что это действительно шайенский язык?

— Конечно, уверен. Что я, выдумывать стану?

— И то верно! Подожди-ка секунду!

Он поднял трубку и набрал номер де Милля.

— С. Б.? Вроде бы нашел для вас кое-что первоклассное. Ну, помните, вы мне говорили, что вам нужен молодой шайен. Так вот, он сидит у меня в кабинете.

Де Милль захотел меня немедленно увидеть.

Когда мы выходили из кабинета, Игли взял меня за локоть.

— Слушай, ты старику не говори, что владеешь английским. Делай вид, будто не понимаешь ни слова. Я ведь ему обещал, что найду чистокровного индейца-шайена, прямо с тропы войны.

В кабинете де Милля сидел его «эксперт по колориту», мексиканец, с которым я уже раз встречался. Мы молча кивнули друг другу. Джо Игли представил меня де Миллю:

— Вот этот парень. Кажется, что с ролью он справится.

Де Милль произвел на меня впечатление человека, главная цель которого — заставить собеседника почувствовать себя не в своей коже. Он долго осматривал меня со всех сторон, словно коня покупал. Только что в зубы не слазил. Наконец он сказал:

— Что ж, для роли вроде подходит. Он шайен?

— Еще какой! Стопроцентный индеец, — отвечал Джон.

— Посмотрим, умеет ли он по-своему.

Тут мексиканец повернулся ко мне и издал поток явню на месте изобретенных слов:

— Кстамас ала уауа?

— Кстамас нана эллауауа, чериота хо-деви! — отвечал я равнодушно.

— Превосходно! Господа, перед вами шайен с гарантией! — заявил мексиканец.

Де Милль велел мне подождать в приемной, пока они с Игли решат, какую роль мне дать. Через минуту вышел сияющий Игли.

— Отлично, парень, старику ты понравился, но теперь будь осторожен. Я присягнул, что ты шайен, так что не подведи меня, мне бы не хотелось признаваться, что иной раз и соврать могу.

Мне все это было совсем ясно, к тому же я мечтал сыграть впоследствии и не индейские роли, но нужно было использовать создавшуюся ситуацию. Да и подзаработать было необходимо. Семьдесят пять долларов в день обещал Джо. Для меня тогда это было состоянием.

— На коне хорошо ездить? — спросил Джо.

— Совсем не умею, к сожалению.

— Разве не все индейцы прирожденные наездники?

— Так-то оно так, да только в резервации, где я родился, вообще ни одного коня не было.

— Черт тебя побери, Тони, ты меня в гроб вносишь! По сценарию ты должен скакать на коне. Что делать-то будем?

— Дело простое, — я старался сохранять спокойствие. — Если бы вы мне одолжили долларов десять-пятнадцать, я бы взял пару уроков в манеже в Сан-Фернандо.

— Недели тебе хватит? — спросил Джо опасно.

— Это я вам обещаю.

Бедняга Джо, вить, влез по уши в нашу индейскую авантюру, раз уж тут же полез в карман и без слов отсчитал доллары. Он отвел меня к портному снять мерку на костюм. Игли ушел, а в приемной оказался мексиканец. Я спросил его: что за роль я буду играть? Глаза мексиканца заблестели.

— О, это одна из главных сцен в фильме! Большое везение надо, чтобы такую роль получить! (Мексиканец был режиссером-неудачником и хорошо понимал, что такое везение.) Молодой вождь призывает индейский народ восстать против белых, которые начали заселять Дальний Запад. Собираются все племена: шайены, сиу, апачи. Вы произносите страстную речь против бледнолицых и ведете народ на войну.

Он еще говорил, а я уже видел эту сцену перед глазами — широкая равнина, а на ней тысячи индейцев, готовых ринуться в бой. Я видел себя верхом на коне, вот я взлетаю одним прыжком на скалу, осматриваю ряды воинов и начинаю. Поскольку текста я не знал, я говорил то, что мне казалось нужным:

«Они угнетают нас; это наша земля, а теперь сюда приходят чужие люди, чтобы забрать ее у нас! Мы считали их друзьями, мы приветствовали их рукопожатием, как честных людей, мы открыли наши сердца! Но теперь мы должны их выгнать, о братья мои, краснокожие люди...»

Я был настолько взволнован, что не мог дожидаться, пока выйду из приемной; мне хотелось тут же, немедленно начать учить роль наизусть. Началась моя карьера, буду, буду, буду кинозвездой!

В тот же день я поехал со своим приятелем Бертом в долину Сан-Фернандо, где рядом со студией «Уорнер бразерс» был манеж. Часами мы ездили с Бертом по окрестным холмам. При этом я непрестанно упражнялся в будущей роли. Берт, ехавший рядом, преобразался в десятки тысяч индейцев. Я же ревел как раненый зверь:

— Цоса оий киса нева! На макай оси авист!

Проблема еще была в том, чтобы связать эти слова с каким-нибудь смыслом. Я даже не знал, правильно ли произношу эти звуки. Ну да ладно. Сколько в конце концов настоящих шайенов увидят фильм? Единственное, что я знал, было то, что звучит это все примерно по-шайенски.

Несколько ночей подряд мы с моей женой Сильви провели над текстом сценария. Снова и снова охватывал меня ужас. Не смогу я все это запомнить! Боже мой, пять страниц абсолютно непонятного языка! Дней через пять-шесть я вызубрил слова назубок и мог единым дыханием проорать весь текст до конца. Еще и сейчас могу произнести этот текст с любого места!

Приближался великий день; я был к нему готов.

В уборной гример раскрасил мне лицо в боевые цвета. Тут же дождался своей очереди Гарри Купер. Никому не пришло в голову нас познакомиться. Заметив, как меня размазывают, он спросил:

— Ты, парень, что тут делаешь?

— Сегодня играю с вами, мистер Купер.

— Блеск, — кивнул он. — Увидимся на съемках.

— Что за режиссер мистер де Милль?

— Малый он неплохой, но придирчивый. Главное, чтобы ты знал роль назубок.

Это напугало меня. Когда Купер уходил, я попросил его:

— Мистер Купер, прошу вас, не сообщайте мистеру де Миллю, что я говорю по-английски. — Я объяснил Гарри, в чем дело, и добавил: — Так что, пожалуйста, не сердитесь, что на съемках не буду с вами разговаривать.

— Договорились, парень, не беспокойся, — отвечал он со смехом.

Я спросил «эксперта по колориту», кого играет Гарри Купер.

— Гарри Купер — американец, — объяснил тот, — который пытается установить с индейцами мир. Он произносит речь: «Мы живем вместе, как братья...» и так далее. А когда он кончит, встанете вы и скажете: «Этот парень лжет, потому что он белый...» — и тут произносите свою речь.

— Ага, мне уже ясно. — Я начал думать, в какой это находится взаимосвязи с тысячами индейцев, к которым мы оба обращаемся.

Я сказал себе: «Запомни: к девяти утра ты должен возненавидеть мистера Купера. Потому что скорее всего и он ненавидит индейцев...» И я начал изобретать обвинения против Купера, чтобы «накачать» себя к тому моменту, когда он кончит свою речь.

Я пошел в гардероб и ждал, что меня позвуют к камере. Через пару минут пришел костюмер.

Неделя № 27 1975

НАЧИНАЛ

Предлагаемая вниманию читателей глава взята из автобиографической книги знаменитого американского актера Энтони Куинна «Первородный грех». Советский зритель знаком с творчеством этого замечательного мастера кинематографа по фильмам «Дорога», «Грек Зорба», «Собрать Парижской богематери», «Пушки острова Наварро».

Я ИНДЕЙЦЕМ...

Энтони КУИНН

— Послушайте, это какая-то ошибка! — возмутился я. — Вы принесли мне старую рваную рубашку, куртку и мокасины, а я ведь играю вождя.

— Какого еще вождя? — Костюмер неподдельно удивился. — Мне сказали, чтоб я вам дал эти вещи, так что в них и одевайтесь. И притом побыстрее. Де Милль человек точный.

— Но не могу же я идти сниматься в костюме, который явно не для меня!

— Это тот самый костюм. Поворачивайтесь живее!

Из гардероба я выскочил почти голый, с куском кожи вокруг бедер. Зад сиял сквозь дыры. Оглянулся по сторонам в поисках толпы индейцев, перед которыми я должен произнести речь, и никого не обнаружил.

Ко мне подошел «эксперт по колориту» (звали его Армандо) и внимательно меня осмотрел. Мой костюм не вызвал у него сомнений.

— Мне кажется, Армандо, что мне перепутали костюм, — шепнул я.

— А чего в нем не хватает?

Но тут появился де Милль, и мне пришлось умолкнуть. Де Милль тоже осмотрел меня и крикнул костюмеру:

— Майк, мне что-то не нравится его рубашка! Тут должна быть дыра, прожжен-

ная, что ли. И позови гримера — пусть ему сделает на плече рану.

Это удивило меня, но, не смея говорить по-английски, я спросил у Армандо на ломаном испанском языке:

— Что здесь, ко всем чертям, делается? Скажите сеньору де Миллю, что я хочу с ним поговорить.

— Что он лопочет? — тут же спросил де Милль.

— А ничего, мальчишка немножко нервничает, — объяснил Армандо.

— Эй, вы! Я не хочу нервных актеров! Сцена и без того трудная. Мне сегодня никаких нервов не надо.

— Как ты себе эту сцену представляешь? Где индейцы, перед которыми я должен выступать? Как далеко они будут от меня?

Я видел, что Армандо смущен; де Милль на глазах наливался гневом.

— Мистер де Милль, он спрашивает, где тут десять тысяч индейцев?

— Каких, к черту, индейцев? — спросил де Милль.

Армандо перевел:

— О каких индейцах вы говорите?

— Но мне сказали, что в этой сцене я говорю речь перед десятью тысячами индейцев.

